

«МНЕ ПОВЕЗЛО, ЧТО Я НЕ БЫЛ РАССТРЕЛЯН НА МЕСТЕ»

А жизнь то и дело подкидывает "сюрпризы", и надо не только правильно ориентироваться в обстановке, но и находить верное, точное решение, о котором не пришлось бы жалеть в будущем. Наверное, в прежние благополучные времена политическое взросление Бабурина, да и других, таких же, как он, молодых депутатов не было бы столь стремительным, процесс шел бы постепенно и долго. Теперь же события развивались молниеносно, и это требовало собранности, постоянной готовности ко всяким неожиданностям и мгновенной реакции на них. Ведь у руля государства стоял непредсказуемый, не признающий законов самовластитель, ждать от которого можно чего угодно.

И потому тучи над Россией становились все чернее. "Всенародный" президент, объявивший о своем горячем желании "разогнать этот Съезд к чертовой матери", постепенно от слов переходил к делу. Новый этап государственного переворота Ельцин начал на восьмом Съезде народных депутатов в декабре 1992 года, затем продолжил в марте 1993-го, выступив по телевидению с обращением к гражданам России и подписав свой печально-знаменитый указ о создании ОПУСа - особого периода управления страной. По сути он решил полностью демонтировать советскую социалистическую систему, назначив на 25 апреля 1993 года голосование о доверии президенту и вице-президенту. Всю эту операцию в народе окрестили метко; референдурь. Президиум Верховного Совета немедленно обратился к народам Российской Федерации с призывом "решительно выступить в поддержку конституционных основ Федерации, против нарушения Федеративного договора, против нарушения их прав. Диктатура - это конец Федерации, В этот драматический для Родины час необходимо сделать все для действительной стабильности конституционного строя, для возрождения свободной, демократической и независимой России!"

Сергей Бабурин от имени группы "Россия", Борис Тарасов ("Отчизна"), Михаил Лапшин ("Аграрный союз"), Иван Рыбкин ("Коммунисты России") подписывают обращение к парламентам, правительствам и народам мира, выразив недоумение и сожаление официальной позицией Руководства ряда государств, которые традиционно принято относить к Демократическим, в поддержку антиконституционных действий президента Ельцина "Такие заявления представляют ни что иное, как грубое вмешательство во внутренние дела России".

Оппозиция сплочена, как никогда. Все преисполнены решимости пресечь антиконституционный переворот. Несколько дней и ночей у Дома Советов на Краснопресненской набережной горят костры. Днем и ночью дежурят здесь добровольные защитники Конституции. Бабурин, естественно, как и другие депутаты, на своем рабочем месте. Конституционный суд во главе с председателем Валерием Зорькиным занял четкую позицию, отстаивая дух и букву закона. Оппозиционный блок "Российское единство" настроен решительно. Верховный Совет принимает постановление о созыве девятого (внеочередного) Съезда народных депутатов. В повестку дня включается вопрос "О неотложных мерах по сохранению конституционного строя Российской Федерации". Героями дня становятся Валерий Зорькин, Руслан Хасбулатов, Александр Руцкой.

Съезд открывается в марте, но ход его более чем странен, и Сергей Бабурин, выступая на его заседании 27 марта, не может скрыть своего недоумения. Слушая речи некоторых депутатов, он невольно ловит себя на мысли, что находится на каком-то конкурсе лицемерия.

"Главное, ради чего мы собрались, ради чего вынуждены были собраться - проблема защиты конституционных основ Российской Федерации, - эта проблема "потерялась" либо извращается до предела. Объясните мне, уважаемые коллеги, - говорит Бабурин, - кто же сегодня оправдывается и дает объяснения? Почему все перевернулось вверх ногами? Почему извиняющиеся нотки звучат в выступлениях Зорькина, Руцкого, Степанкова?"

20 марта 1993 года президент России Б.Ельцин попытался осуществить государственный переворот. Его действия встретили решительный отпор со стороны Конституционного суда, Верховного Совета, Прокуратуры Российской Федерации, не были поддержаны силовыми структурами правительства. Государственный переворот провалился! Это сейчас можно говорить, что ничего не произошло, что Б.Ельцина в очередной раз "не так поняли". А если бы план удался?"

Бабурин настаивает на отрешении Бориса Ельцина от должности президента Российской Федерации и считает, что это решение должно быть принято в форме закона. Он зачитывает законопроект, подготовленный депутатской группой "Россия", а потом, обращаясь к Ельцину, говорит:

"Господин президент! Я не смею давать толкование Обращению Патриарха Алексия II и других иерархов Русской Православной Церкви ко (всем нам, но вы лично столь часто за последние два года ходите в церковь, что, может быть, прислушаетесь к призыву высшего духовенства уйдете в отставку во имя России?"

О, эта неповторимая, убийственная бабуринская ирония! От имени своей группы Бабурин предлагает голосование по вопросу отрешения президента Ельцина от должности провести тайное, через кабины.

"Конституционный суд прошел свою часть пути, уважаемые коллеги, теперь очередь за нами, - говорит он, обращаясь к Съезду. - Мы должны голосовать. 20 марта 1993 года мы были свидетелями политического самоубийства президента Б.Ельцина. Если Съезд народных депутатов России уйдет от рассмотрения вопроса об отрешении от должности президента Б.Ельцина - это будет политическое самоубийство Съезда".

Съезд народных депутатов "свою часть пути" сможет пройти только в сентябре того же, 1993 года, который стал знаменательным в жизни Бабурина, оппозиции, да и в судьбе всей России.

Борьба президента с все более оппозиционным парламентом день ото дня обостряется. Нарастает она и внутри самого Верховного Совета. "Демократической России" противостоит оппозиционный блок "Российское единство", одним из лидеров которого является Сергей Бабурин. Депутаты - «демороссы» стараются разрушить Советскую власть изнутри, действуя самыми иезуитскими методами. Правда, Верховный Совет и его комитеты уже не те, что были при настоящей Советской власти, при коммунистах. Его псевдодемократическое большинство протаскивает антинародные законы и ведет откровенно антинациональную политику, с чем Бабурин никак не может согласиться.

Чаша терпения переполнилась, и 15 июня 1993 года Бабурин обращается к Председателю Верховного Совета Российской Федерации Руслану Хасбулатову с письменной просьбой исключить его из числа членов Комитета Верховного Совета РФ по законодательству и освободить от должности председателя подкомитета. В заявлении он объясняет причину такого шага:

"К моему большому сожалению, Комитет ВС по законодательству становится все более действенным инструментом антигосударственных сил в борьбе против парламента и всей системы представительных органов власти в России.

15 июня 1993 г. состоялось так называемое "совместное заседание" комитетов по законодательству, по обороне и безопасности, по правам человека под председательством председателя Комитета по законодательству. Это "заседание", на котором присутствовало в момент голосования 7 из 22 членов Комитета по законодательству, 3 члена Комитета по обороне и безопасности, 4 члена Комитета по правам человека, большинством голосов "одобрило" заявление о поддержке президентского конституционного совещания и решений, принимаемых на этом совещании, осудило попытки Верховного Совета и его руководства найти иные формы доработки проекта новой Конституции России.

Не оспариваю права коллег поддерживать Президента в стремлении провести переизбрание депутатского корпуса осенью 1993 года, поднимать то или иное совещание до уровня Съезда народных депутатов России или критиковать отдельные статьи Конституции. Но не могу согласиться, когда для разрушения конституционных основ, для

удара по парламентским структурам политической системы используются официальные комитеты Верховного Совета Российской Федерации.

В связи с тем, что деятельность Комитета ВС по законодательству приобрела к настоящему времени строго пропрезидентскую направленность, что часто стало сказываться на качестве законодательной работы, а также в силу бессмысленности оппонирования ничего не слушающему большинству, я не считаю себя вправе оставаться в составе Комитета".

Сенсационное заявление Бабурина о сложении обязанностей члена Комитета по законодательству и председателя подкомитета вызвало немедленный ответный огонь. Желая дезавуировать произведенный эффект и скомпрометировать его автора, председатель Комитета по законодательству Михаил Митюков, как сообщила информационная программа "Вести" Российского телевидения, сказал, что Сергей Бабурин в комитете за три года ничего не сделал. Естественно, я обратилась за разъяснениями к самому "виновнику торжества".

- Я не обижаюсь на Михаила Алексеевича Митюкова, - с привычной иронией сказал мне Сергей Николаевич. - Он, очевидно, очень переутомился на поприще конституционного совещания президента и не в ладах с памятью и здравым смыслом, но он прав в одном: на режим Ельцина за все три года работы Комитета по законодательству я не работал ни одного дня. Когда же на Верховном Совете докладывал какие-либо законопроекты или в составе рабочих групп вместе с коллегами корпел над теми или иными законами, организовывал научно-практические конференции как председатель подкомитета по правовому обеспечению работы Советов, управления и самоуправления - этой текущей работой руководство Комитета никогда не интересовалось. Кстати говоря, последний законопроект, подготовленный моим подкомитетом, был принят Верховным Советом около месяца назад. Мы выправили отклоненный было большинством Верховного Совета законопроект об изменении закона РФ о референдуме - на заседании Верховного Совета его представлял народный депутат Дмитрий Егорович Степанов.

Но это - к слову. Доказывать или объяснять что-либо политически ангажированным коллегам я не собираюсь. Руководство Комитета по законодательству и некоторые деятели в Верховном Совете и депутатском корпусе давно хотел и бы избавиться от моего подкомитета, затем от Комитета по вопросам работы Советов, а там и вообще от Советов.

- Что послужило поводом для совместного заседания трех парламентских комитетов и как оно проходило? - спросила я Бабурина.

- Видимо, желание "порадеть" президенту. Устроители вынесли на рассмотрение вопрос о конституционном совещании и конституционном процессе, при этом буквально клеймились попытки Верховного Совета провести еще одно конституционное совещание, но уже под эгидой парламента. Выступили несколько человек, потом Митюков зачитал проект постановления, которого на руках ни у кого не было. В нем высказывалась однозначная поддержка конституционного совещания президента и досрочных выборов депутатского корпуса. Меня возмутил сам факт: собираются в Верховном Совете якобы три парламентских комитета (на самом-то деле лишь их "осколки", кворума не было) и своими руками разрушают его!

Смешно! Устроители этого действия так рьяно исполняли чей-то заказ, что при голосовании учли даже голос отсутствовавшего депутата Безрукова: нам, мол, известно, что он тоже "за". В связи со всей этой весьма далекой от закона и парламентской этики акцией я и выступил со своим заявлением. Печально, что Комитет по законодательству, два заместителя председателя которого - Безруков и Варов входят в рабочую группу по доработке президентского проекта Конституции, превратился в орудие антигосударственных сил по разрушению Верховного Совета и системы народовластия.

Это всего лишь один из эпизодов борьбы Бабурина против ползучего государственного переворота, совершаемого Ельциным, начиная с августа 1991 года. "Всенародный" президент с маниакальным упорством, закусив удила, нагло, в открытую нарушал законы, в том числе и Основной, и шаг за шагом при полной поддержке

"демократической" половины депутатского корпуса и молчаливой, трусливой - со стороны части коммунистической фракции демонтировал советский социалистический строй.

Бабурин, как всегда, в эпицентре сопротивления антинародному режиму, олицетворяет который Борис Ельцин. Но это только часть многогранной деятельности депутата. Он выступает на митингах, научных конференциях, в парламентах зарубежных государств, в том числе и в Европарламенте. Бабурина, как авторитетного депутата и одного из лидеров оппозиции приглашают на различные международные симпозиумы ...

В короткое время он становится государственным деятелем с масштабным мышлением, с высочайшим уровнем компетентности, с глубокой народно-патриотической основой, корни которой уходят в седые века. Кажется, даже тени великих предков - Александра Невского, Дмитрия Донского, героев Бородина и Великой Отечественной войны осеняют его, благословляя на служение израненному Отечеству, и так хочется, чтобы они были с ним рядом, когда он, молодой и горячий, идет в самую гущу событий, в пекло, без оглядки на трех своих сыновей...

Наступила тревожная осень 1993 -го, и вслед за обещанной президентом "артподготовкой" начался последний, завершающий акт ползучего государственного переворота. 21 сентября в 20.00 Ельцин обнародовал указ номер 1400, коим ликвидировал Верховный Совет и Съезд народных депутатов. И сразу же началось великое стояние народа на Красной Пресне. Думаю, излишне говорить о том, что Бабурин был там с первой и до последней минуты...

20 мая 1997 года в откровенной беседе со слушателями Академии имени М.В.Фрунзе Сергей Николаевич размышлял о причинах поражения оппозиции.

- В чем, я считаю, беда 93-го года? Во-первых, в том, что во главе защитников Конституции были фигуры, которые не вызывали у нас большого доверия. Это Хасбулатов и Руцкой. Во-вторых, в том, что ответные меры на государственный переворот нужно было осуществлять немедленно. Верховный Совет, кстати, сделал все, что он обязан был сделать. 21 сентября, когда признали, что президент отрешен от власти, надо было немедленно это осуществлять.

Я вышел на трибуну и потребовал, чтобы члены Верховного Совета разъехались по министерствам, предприятиям, воинским частям и отстранили от должностей тех, кто не выполняет решения Верховного Совета, и назначили взамен других, кто бы выполнял. Надо было все брать под контроль. У нас, - сказал я, - одни сутки. А мне говорят: "Ну, что вы! Мы все политически решим". Я говорю: "Неужели вы не понимаете, что "политически" решать бессмысленно? Нет иных политических средств, кроме как практические действия. Слова - это не действия".

А когда после пресловутого митинга 3 октября, на котором выступили вожди и призвали: "На Останкино! На Останкино!", я зашел в кабинет Хасбулатова, то увидел, что он что-то пишет. Я спрашиваю: "Что вы пишете, Руслан Имранович?" Он отвечает: "Я составляю список тех, кого нельзя выпускать за границу". Я говорю: "Вы с ума сошли, какой список? Вы что, не понимаете, что у нас всего несколько часов? Если за эти несколько часов силовые министерства не будут выполнять законы и поддерживать Верховный Совет, то забудьте навеки о своем списке".

- В таких ситуациях очень важно не просто что-то чувствовать или выразить солидарность, а находиться в том месте, где "рубильник", чтобы включить или выключить его, - подвел итог Сергей Николаевич.

Не раз за прошедшие с тех пор годы возвращаясь к тем трагичным дням, он мучительно анализирует допущенные оппозицией ошибки. Павшие взывают к совести живых, к их памяти, к совести и сердцу Сергея Бабурина. Сам он только по счастливой случайности избежал их участи.

...Четвертого числа того черного, кровавого октября из горящего Дома Советов нас вывели около пяти вечера. Почти два часа мы стояли на центральной лестнице, сбегавшей гранитными ступенями к набережной. На окутанное густым черным дымом белоснежное здание, похожее на могучий океанский лайнер, смотреть было страшно и больно. Стекла плавилась от нестерпимого жара, лопались с оглушительным треском и

осыпались на землю сухим, раскаленным дождем. Из зияющих черных провалов оконных глазниц вырывалось ало-багровое пламя. Два часа мы то стояли, то лежали на ступенях лестницы под перекрестным огнем. Потом ребята из "Альфы" перебежками провели нас во двор соседнего дома. Там тоже был крошечный ад. С крыш стреляли по нам - по живым мишеням! Люди, ища спасенья, забегали в подъезды жилых домов, где их ждали ооновские засады. В очередной партии людей был и Сергей Бабурин...

О том, что было дальше мне рассказал сам Сергей Николаевич через десять дней после расстрела. Но сейчас я хочу привести стенограмму видеозаписи группы "Альфа" - фрагмент, запечатлевший этот самый драматичный момент в жизни Бабурина. Цитирую по книге разведчика Ивана Иванова "Анафема":

"Худощавый офицер из группы Проценко запрашивает по радиостанции командира группы "А" генерала Зайцева:

- "Первый", "Первый"! Ответь основному ходу - Баранников и остальные у вас? (Остальные - это Ачалов, Дунаев, Тарасов и Полозков, обманным путем выведенные из "Белого дома" через 20 подъезд под предлогом выезда на переговоры к правительству Черномырдина. Они были вывезены на БМП-2 к метро "Краснопресненская" по Конюшковской улице к начальнику ГУО РФ М.И.Барсукову и далее, после весьма странного инцидента на автомобиле прямо в "Лефортово" - Авт.)

- Мы их держим за углом, отдельно, - отвечает "1-й" Зайцев. Коржаков, почему-то, в первую очередь спрашивает о Бабурине и настойчиво его ищет, интересуется, где находятся связанные с ним лидеры оппозиции:

- А вы где этих. -.. Бабурина и всех? Исакова... бл..-?.

- Да Бабурин здесь, говорят, - просовывается, кивая в сторону парадной лестницы, пожилой доброхот из президентской охраны, небрежно одетый в спортивный костюм, украинскую косоворотку с национальным орнаментом и плащ. На его седой голове с глупыми глазами навывкате - военное камуфлированное кепи.

- Да нет, они вышли сразу, сразу вышли, - пытаюсь быстро заткнуть доброхота и перевести разговор на другую тему, перебивает его полковник Проценко (старший офицер группы "Вымпел"):

- На 3-м - 2-м этаже... (несколько слов неразборчиво) Данное документально зафиксированное обстоятельство должно заинтересовать суд в связи с тем, что буквально через несколько минут после проявленного Коржаковым повышенного интереса к персоне Сергея Бабурина, последнего отделили от всех депутатов и защитников парламента и пытались расстрелять. При этом расстрельщиков взбесило, что Бабурин, в свое время с честью прошедший службу рядовым в Афганистане, пощады просить не стал и, несмотря на сыпавшиеся на него удары, продолжал улыбаться. Оказавшиеся рядом в тот момент и бросившиеся к нему на помощь Алексей Сулов и депутат Исаков были жестоко избиты, но их вмешательство задержало и отложило на несколько минут казнь. В последний момент расстрелять Бабурина помешало случайное появление офицера "Альфы" (документировано свидетельствами трех человек и видеоматериалами, на которых зафиксировано лицо одного добровольца-палача). По мнению очевидцев и по видеоматериалам попыткой устранения Бабурина занимались военнослужащие из полка президентской охраны". (Иван Иванов "Анафема", Палея, 1995 г. Санкт-Петербург, стр. 404-405).

Рассказ самого Бабурина о том, как его расстреливали, в принципе совпадает с той картиной, что удалось восстановить Ивану Иванову. Разве что есть детали, которые отпечатались в памяти Сергея Николаевича и которых, естественно, не мог знать Иванов.

Итак, Бабурин вместе с группой защитников Дома Советов зашел в один из подъездов и тут же услышал:

- А, Бабурин! Нам-то ты и нужен! И сразу некие в масках, с автоматами в руках набросились на депутатов. Вскоре Сергея Николаевича отделили от остальных, и один из этой банды прошипел.

- Ну, что, Бабурин, сейчас мы тебя шлепнем! Кто-то скомандовал:

- Бабурин, лицом к стене, руки за голову!

Он почувствовал у затылка ледящее дуло автомата... Еще миг и... конец. Выстрела, однако, не последовало: в подъезд вошла еще группа людей, и двое, наиболее агрессивных, жаждавших самолично расправиться с известным депутатом, накинулись на них, а потом в течение нескольких минут ожесточенно спорили: здесь ли расстрелять Бабурина или вывести на улицу да где-нибудь в сторонке...

К Сергею Николаевичу бросился на выручку его помощник Алеша Суслов, потом Владимир Борисович Исаков... И вот тут, по словам Бабурина, начали избивать тех, кто пытался ему помочь. "Им досталось гораздо больше, чем мне, потому что мои мучители ждали, когда меня наконец-то поставят к стенке. Но в этот момент один из старших группы приказал отвести меня в подъезд и присоединить к остальным. Пожалуй, это и спасло".

Да, смерть тогда его обошла, но, зверски избитого, Бабурина в тот же вечер бросают в тюремную камеру...

- Моя оценка современной российской демократии, и без того невысокая, отнюдь не возросла в октябре 1993 года, когда я, председатель Комитета парламента России по судебной реформе и вопросам работы правоохранительных органов, попал после расстрела и сожжения парламента в камеру нашего центра по борьбе с уголовной преступностью, - делился Сергей Николаевич своим "опытом" с зарубежными коллегами на заседании регионального Совета клубов ЮНЕСКО во французском городе Тулузе 8 июня 1995 года. - Сокамерниками были заместитель председателя Московского городского Совета Седых-Бондаренко, прежний начальник московской милиции генерал Комиссаров, председатель Комиссии Моссовета Цопов и другие. Вместе с тем мне повезло, поскольку я не был расстрелян на месте, когда два штурмовика, поставив меня лицом к стене, уже готовились сделать это. Повезло и в том, что впоследствии я был освобожден из камеры за полтора часа до того, как пришел официальный приказ меня не освобождать. Многие защитники Конституции были менее счастливы. Они погибли...

...Десять дней спустя после расстрела мы беседовали с Сергеем Николаевичем об уроках октября.

- Во всем этом надо разобраться глубоко, честно и непредвзято, - сказал он. - Ведь именно со стороны мэрии был открыт по существу ничем не спровоцированный огонь на поражение из автоматического оружия по людям, которые, преодолев ограждение из цистерн с водой, шли к Дому Советов третьего октября. Я акцентирую: они шли не к мэрии. Они шли к Дому Советов! И то, что по ним внезапно был открыт огонь из автоматического оружия, в результате чего тут же появились раненые (не знаю, были ли убитые), - тоже наводит на размышления. Первыми огонь открыли противники конституционного строя. Вот что принципиально важно.

К сожалению, с прорывом блокады у многих возникло ощущение такой же победы, какую в августе 1991 года одержали тогдашние защитники российского Белого дома. Я согласен с мнением: тот, кто первый понял, что 1993 год - не август 1991 года, тот и победил. Руцкой, Хасбулатов, да и весь депутатский корпус поняли это слишком поздно...

Но, в конечном счете, мы и не могли переступить - психологически не могли! - через ту черту, которую переступили Ельцин и его окружение. То есть мы не могли дать команду открыть огонь по таким же российским гражданам, как мы с вами.

Слушая Бабурина, я вспоминала, как во время осады Дома Советов в одну из ночей он вместе с одним из генералов собрался на встречу со слушателями одной военной академии. Те прислали "ходоков" и просили разъяснить, что происходит, в чем суть противостояния президента и Съезда народных депутатов. Я уговорила Сергея Николаевича взять меня с собой.

С большим трудом, под покровом ночной темноты, мы преодолели баррикаду, потом, буквально под носом у омововского кордона перебежали улицу, прячась за деревьями, нырнули в один из дворов, оттуда - во второй, третий, где нас ждала машина. Я не знаю, куда мы ехали, но, помню, ехали долго, час-полтора. Машина остановилась у подъезда многоэтажного дома. Генерал поднялся в одну из квартир, вернулся вместе с хозяином. Как оказалось, это был то ли слушатель, то ли преподаватель академии. Мы

долго ждали, пока из этого и соседних домов соберутся люди. Света не зажигали, говорили в темноте.

В начале разговора все время ощущался невидимый барьер. Будущие командиры твердили о нейтралитете, о том, что армия вне политики. Но может ли быть армия нейтральной по отношению к Родине, народу? Может ли быть безучастной, когда растаптывают Конституцию, а ведь давая присягу, они клялись ее защищать? Перед Россией открывается уникальная возможность - либо она, наконец, пойдет по правовому пути, либо вновь на многие десятилетия погрузится в черную пучину беззакония и произвола. Всё в эти дни и часы решает нравственный выбор каждого человека - будет ли он служить народу, отстаивая закон, или - личности, во имя своих политических амбиций совершившей государственный переворот?

Бабурин, сам почти ровесник многим из собеседников, ситуацию не сглаживал, напротив, обнажал ее и обострял. Нет, он не "давил" на слушателей, не призывал их немедленно встать на сторону Съезда. Он лишь просил их думать.

- Вам хорошо, вы - народный депутат, вас охраняет закон. А у нас семьи, дети, - вроде бы оправдывая свою нерешительность, говорили будущие командиры. И вот тогда Бабурин сказал:

- У меня трое сыновей, младшему нет и двух лет. Это - к вопросу о семье и детях. Мне тоже есть о ком тревожиться. А случиться может что угодно. Но... я вообще после Афганистана думаю, что живу вторую жизнь...

Наступила тишина, потом снова посыпались вопросы, и я почувствовала: лед растаял, пришло доверие и понимание. Его долго не хотели отпускать, дискуссия продолжалась и на улице, у машины. На прощанье слушатели сказали: "Сергей Николаевич, когда будут выборы президента, обязательно выдвигайте свою кандидатуру. Мы вам верим".

Прощанье было не в пример началу встречи сердечным. Машина, наконец, тронулась. Эти парни оставались наедине со своими мыслями. Им предстояло сделать свой выбор. Какой? Ответ был дан четвертого октября. В тот самый день, после которого Сергей Николаевич Бабурин может считать: отныне он живет уже третью жизнь...

К счастью, судьба сохранила для России одного из самых лучших ее сынов. Жизнь продолжается. А жить для Бабурина - значит бороться, ибо кризис нарастает, страна летит в пропасть...

Как это ни печально, но со временем октябрьская трагедия кое для кого становится предметом политических спекуляций. В патриотической печати наметилась тенденция реабилитировать тех, кто стрелял в безоружных людей, обелить ту часть армии, которая тогда проявила себя не лучшим образом.

В один из летних дней 1997 года мне позвонили родители Ромы Веревкина - в него, семнадцатилетнего студента, разрядил автоматную очередь какой-то гад из бэтээра. Татьяна Медоньевна и Владимир Романович, родители Ромы, были потрясены одной газетной публикацией, чем и был вызван их звонок.

- Вы читали сегодня "Советскую Россию"? - взволнованно спрашивала Татьяна Медоньевна. - До чего же подлая статья! Автор пишет, будто ельцинские и грачевские бэтээры пошли к Дому Советов не убивать, а выводить каких-то кем-то заброшенных туда людей. Статья, по сути дела, обеляет убийцу, стрелявшего из бэтээра по безоружным людям. Он, вроде бы, совсем не виноват.

Потом трубку взял Владимир Романович:

- Статья подлая еще и потому, что вышла как бы специально к учредительному съезду движения Рохлина. Нам же понятно, что определенные лидеры ради того, чтобы привлечь армию на свою сторону, заигрывают с ней, готовы поступиться всем, даже самым святым - кровью убитых людей. Но самое-то печальное в том, что несмотря на все заигрывания, армия за ними все равно не идет. Большинство офицеров, как черт ладана, боятся даже придти на какое-нибудь патриотическое мероприятие. Стреляются, но о спасении Родины не думают. Измельчали, забыли

о чести... А нас почему эта статья задела? Видно, что хотят оправдать тех, кто тогда убивал таких мальчишек, как наш Рома. И, знаете, что я подумал, прочитав ее? Вот пройдет еще какое-то время, и кто-нибудь напишет, что это мой сын, тогда убитый, стрелял, а не те, кто сидел в бэтэрах. А что? Все к тому идет, - с горечью сказал Владимир Романович.

Мне, право, нечего было ему возразить, ибо есть такая тенденция, есть! Например, вышел документальный фильм об октябрьских событиях. Главный герой, которого без конца интервьюируют по ходу фильма, • представьте, Геннадий Андреевич Зюганов, которого и близко не было ни в Останкине, ни в Доме Советов. Авторы, естественно, не упоминают ни словом о том, что перед штурмом лидер КПРФ, получив возможность выступить по телевидению, призывал народ сидеть дома, не выходить на улицу. Защитники Дома Советов, как я уже говорила, были брошены на произвол судьбы.

Я спросила одного из тех, кто работал над фильмом: "При чем тут Зюганов? Он не имеет морального права говорить на эту тему!" И услышала в ответ: "Он дал деньги, иначе мы бы не смогли сделать фильм". О, всеильные деньги! Благодаря им история фальсифицируется на глазах.

Как тут не вспомнить Монтеня, который говорил: "Те, кто расшатывает государственный строй, чаще всего первыми гибнут при его крушении. Плоды смуты никогда не достаются тому, кто ее вызвал; он только всколыхнул и замутил воду, а ловить рыбу будут уже другие".

Вот и теперь кое-кто просто мастерски "ловит рыбу" и делает политический бизнес на октябрьской крови, претендуя на первые роли в тех событиях и локтями отгесняя истинных героев скорбной осени 93-го. Когда перед акцией 4 октября 1997 года его организаторы составляли список выступающих, в числе первых поставили все того же Геннадия Зюганова, который не имел морального права выступать на этом митинге, но уже был чуть ли не главным действующим лицом: "мы пахали". Сергея Бабурина в списке поставили... одиннадцатым. Он не пошел на митинг, но вовсе не поэтому: не захотел участвовать в фарисействе.

У людей короткая память. Участники митинга дружно аплодировали Зюганову, уже забыв о том, что в те трагические дни, когда гибли люди, он с "поля боя" благоразумно дезертировал и других призывал сделать то же самое. Сам же Зюганов постоянно весьма искусно манипулирует фактами, поворачивая их и так, и эдак. В беседе с главным редактором "Советской России", например, он говорит:

"За несколько часов до трагедии в октябре 1993 года я обращался с просьбой воздержаться от активных выступлений. Если бы послушали тогда, не было бы разгона Советов, не было бы убитых и искалеченных.

Если бы тогда, когда готовился расстрел парламента, вышли трудовые коллективы на улицы Москвы, перегородили бы дорогу танкам, что шли на расстрел, ничего бы не было". ("Советская Россия", 21 ноября 1997 г.)

Вот и пойми его: с одной стороны, призывает народ "воздержаться" и упрекает тех, кто "не послушался". И тут же сетует: вот если бы вышли "трудовые коллективы", расстрела парламента бы не было. Но как они могли выйти, коли сам "верховный главнокомандующий" самой крупной партии, сам Геннадий Андреевич только что призвал не выходить?! Поистине, лидер КПРФ не ведает, что творит и говорит.

Одно "ведает" хорошо - как извлечь для себя политические дивиденды. Мудро замечено в Священном Писании: "Один сеет, а жатвой завладевает другой"...

Надежда Гарифуллина Сергей Бабурин: "Ныне или никогда!"
М., 1998

